

Рассказ

Толос

Александр Авишкин

Александр Мишкин

Голос

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69080320

SelfPub; 2023

Аннотация

На званом ужине, по случаю юбилея отца невесты, между женихом и гостем происходит конфликт. Молодой юноша толкает молодого франта, позволившего себе лишнего в обращении с его невестой, и уходит из дома, ни проронив ни слова. Воспитанный из семьи именитого учёного, его поведение вызывает у гостей недоумение и трепет. Юноше наплевать, он услышал и увидел достаточно. Парень твёрдо решает покончить с миром людей, принять себя таким, какой он есть. Но прежде чем отказаться от попыток стать человеком, он должен поговорить с отцом, который сотворил его, вывел в свет и наградил таким скрипучим и вызывающим у всех отвращение голосом.

Александр Мишкин

Голос

– Маменька, вот и всё вам знать нужно... – сказала укоризненно молодая девушка, порхая у зеркала на девичьем столике. Её маленькая белая ручка катала вниз широкую деревянную лодку-расчёску через множество волн. У ручки этого кораблика волны были буйными и многочисленными. Особенно труднопроходимые участки, лодочка прочёсывала с треском. Расчёска перемещалась и за ней появлялась волна спокойная и более мягкая. С каждым разом, через короткий промежуток, белая ручка возвращала лодочку к исходной позиции и повторяла движения, приводя неутомные волны волос в более мирный и спокойный вид.

– Конечно нужно!

Воскликнула женщина в тёмно-синем платье, закрывавшим её не молодое тело от подбородка до пяток. Тощее и длинное лицо слегка дёргалось. Из туго затянутых и собранных на затылке в шарик волос выскочило несколько прядей, отчего причёска походила больше на потрёпанный смычок скрипки. Худые руки её подпирали тонкую талию.

– Ну он вроде бы хороший, но... – сказала девушка и повернула головку в сторону матери. Маленькие точки веснушек, коричневые, почти чёрные глаза, маленький носик и тонкие бровки, слегка надутые губки. Девушка закатила гла-

за, подумала. – Но вот его голос...

– Что его голос?

– Не прикидывайся, мама, ты слышала его.

– Нормальный у него голос, не придумывай.

– Нормальный? – тонкие бровки девушки поднялись. –

Когда он говорит мне кажется, что где-то мучается поломанный граммофон!

– Не говори глупостей!

– Ничего это не глупости.

– Даже если это и так, что же с того? В остальном он хороший юноша!

– Я не знаю, мама, честно. Он очень любит разговаривать, и иногда я совсем его не понимаю. Он болтает на такие темы, что я даже крупичицы не понимаю. О каких-то энергиях, энт... энтро... энтропии! О каких-то измах. Ниги... лизм. Кажется, так. И всё это этим скрипучим, металлическим голосом. Аж мурашки по спине бегут. – Девушка поморщилась. – Видишь? Как вспомню аж в дрожь бросает.

– Маша, ну не это ведь важно в жизни!

– А для меня важно! Ты сама морщишься, когда он говорит. Все морщатся и продолжают слушать, а он, как идиот, болтает и не умолкает, всё шипит и шипит, как радиола. И никто ведь не скажет ему, сын великого учёного, богатый сын. Иногда мне его даже жалко.

– Что ты такое говоришь, Маша?! Так ведь нельзя.

– Ну это ведь правда, мама, ты это знаешь! Только пото-

му что он богат ты стараешься не замечать этого, а я не могу. Все мои друзья его терпеть не могут, потому что он не замолкает. Всё трещит, трещит, всё о науке, о философии, литературе. Никита очень любит литературу, но после часа общения с ним, он говорил мне, что книжку в руки взять не может, голова сразу болеть начинает.

– Никита твой, сам ещё тот болтун, меньше бы ты его слушала.

– Уж лучше я Никиту послушаю чем его! – между бровками девушки появилась еле заметная морщинка.

– Машенька, он ведь любит тебя! И ты его любишь, ведь правда?

– Не знаю, мама, не знаю. Наверное...

– Что же ты, Машенька, дитя моё, из-за такого пустяка...

– Не пустяка! Не пустяк это, матушка! Хоть убей! Не могу я его слушать! Голова болит! Ладно выглядит, как кукла, на лице или так, – она подняла уголок рта пальцем вверх, – или так, – уголок опустился вниз. – И ещё эта трещотка, что у него в горле застряла... Невыносимо! У него отвратительный голос! Просто невозможно отвратительный и сам он... Кукла!

– Вздор! – воскликнула матушка. – Сегодня он будет в этом доме, и ты будешь милой и обходительной!..

– А я тебе что? Марионетка?! Верёвочку потянешь и плясать стану?

– Маша! Я твоя мать и пока это так ты будешь меня слу-

шать! Ты ещё слишком юна, чтобы сама принимать решения, особенно такие. Я твоего отца тоже в начале не переносила, прости господи, но как поженились, как вместе жить стали, так всё и наладилось. Потом ты появилась и всё прошло. Посмотри, как мы с твоим отцом дружно живём.

– Я вижу, как вы дружно живёте...

– Что?! – брови матушки поднялись.

– Ничего...

– Чтобы я больше подобных слов не слышала. Ты меня поняла?!

– Да, матушка, извините.

Девушка потупила глазки. Медленно повернулась к зеркалу и стала купать лодочку в волосах дальше, только теперь гораздо медленнее.

Матушка смотрела в отражение на хмурое личико дочери. Подошла и осторожно положила ладонь на хрупкое плечико.

– Ну, Машенька, всё у вас будет хорошо. Он хороший юноша, умный. Тебе с ним будет хорошо.

– Вам будет хорошо...

– Маша...

– Извини... – ладонь Маши прикоснулась к ладони Матушки.

Двери в комнату Маши открылись. Вошла служанка Марфа, маленькая и круглая девушка. Теребя в руках фартук, она улыбалась и красные щёки её горели пунцовым огнём крестьянской молодости.

– Мария Витольдовна... ой! Инесса Валентиновна... вы здесь... Простите, я в грязном фартуке...

– Ничего страшного, Марфуша, – махнув рукой на девушку сказала матушка. – Говори, что случилось?

– Жених... Пришёл... Сидит давнёханько уже. Ждёт.

Маша повернулась в её сторону. Воскликнула:

– Почему ты сразу не сказала?!

– Ефим на кухне уронил черепок с кашей, мы хлопотали... а он, ну вы знаете... сел и сидит. Я подумала, что ничего страшного.

– Марфа!

– Простите, Мария... – опустив глаза сказал Марфа.

– Сколько он ждёт уже?

– Не больше десяти минут.

– Хорошо. Скажите, что я сейчас выйду.

– Гости уже подъезжают, Инесса Валентиновна.

– Ой! – сказала матушка и убрала руку с плеча дочери. – Что же ты сразу не сказал! Всё, Машенька, я побежала. Подумай над тем, о чём мы говорили и не заставляй своего жениха ждать!

– Хорошо.

Матушка чмокнула девушку в щёку.

Марфа стояла, опустив глаза чуть согнувшись, теребила фартук, незаметно бросала взгляды из-под лба.

– Ну, право, Машенька, будь умницей. – сказала матушка, покосившись на Марфу, которая украдкой взглянула на свою

хозяйку. Поймав взгляд женщины на себе, Марфа поспешно опустила глаза, а подбородок ещё ниже.

– Марфа, передай ему, что я скоро выйду.

– Хорошо.

– Отправляйтесь мама, я подумаю.

– Какая ты у меня уже взрослая...

– Взрослая. Ну идите же, гости, мама!

– Иду, Машенька, иду, – сказала матушка и улыбнулась.

Прошла мимо Марфы слегка подняв подбородок. Проплыла, как шахматная фигура, королева, мимо маленькой пешки. Маша вернулась к дамскому столику и продолжила прихорашиваться. Марфа посмотрела на девушку несколько секунд, шмыгнула носом и вышла вслед за хозяйкой. Оставила Машу одну.

***

Юноша сидел на стуле в самом углу прихожей. Справа от него находились двери в тамбур. Парня встретила Марфа. Вид длинного и худого чудака, с неестественно белым лицом, всегда пугал её. Тайком, когда он не видел, девушка одной рукой осеняла себя и его крестным знаменем, шептала молитву, а другой теребила крестик под грубой тканью одежды. Служанка пыталась объяснить ему, впопыхах, что барыня пока прихорашивается, когда услышала проклятия Ефима. Она побежала на кухню, а кавалер, оставшись один, нашёл куда сесть и стал ждать.

– Роман Александрович! Миленький, что же вы сидите в

углу! Ох! На стульчике то этом?! – войдя в прихожую начала причитать хозяйка. Её ладони прижались друг к другу у самой груди. Лицо женщины выражало заботу и участие.

Юноша услышал обращение хозяйки, встал. Будто на пружинах, он подскочил в воздух. Выпрямил спину неестественно прямо, будто ему в задницу вогнали лом. Синие глаза за-сверкали. Высокий, плечистый, осанистый, но какой-то через чур. Всё в нём было как бы с перебором. Словно Создатель решил слепить кого-то ещё кроме человека, но, как и у любого гения одного шедевра, у него получился ещё один, слегка видоизменённый, Адам.

Уголки рта Юноши были направлены вниз. Вдобавок к этому брови его тоже находились в опущенном положении. Исходя из известных Хозяйке наборов эмоций парня, коих было две, женщина заключила, что он чем-то опечален. Он смотрел на неё яркими и синими глазами, такими необычными, что они казались больше стеклянными, чем натуральными. Станный это был человек, словно оловянный солдатик, кукла, только высоченная.

Юноша ничего не ответил.

Глаза парня словно стали шире. Маша вышла из коридора и стояла в дверях. Роман поклонился. Грустная мина оставалась сидеть на лице.

Девушка спросила:

– Что с вами? Вам грустно?

Инесса Валентиновна подпрыгнула на месте. Обернулась

к дочери, засмеялась, вернулась к парню. Ладони сомкнулись у правой щеки, она наклонила к ним голову и залепетала:

– Ой, чуть на тот свет не отправилась, ей богу!

Мина исчезла. Теперь на лице Романа не читалось абсолютно ничего.

– Простите, можно? – раздался грубый голос за спиной Юноши. Он заслонил своей широкой спиной проход к тамбуру, в котором уже стояла пара. Это был купец Вяземский, со своей супругой. Роман посторонился.

– Степан Васильевич! – воскликнула хозяйка и поспешила раскрыть объятия, подпустила тучного мужчину на расстояние поцелуя, подставила одну щёку, затем другую. Мокрый след пухлых губ остался на худом лице женщины.

Пока Инесса Валентиновна раскланивалась с гостями, Юноша не сводил глаз с Маши. Белое, в кружевах, платье играло маленькими звёздочками бисера. Волнистые волосы спадали на плечи, гладкие и каштановые. Миленькое личико вопросительно подняло бровки домиком. Кивнула спрашивая: «Ты чего?»

Роман молчал и не показывал ни одну из двух доступных эмоций. Тогда Маша подошла и, встав на носочки, и всё равно не достав, вытянула мордочку намереваясь прошептать что-то на ухо. Она прикоснулась маленькой ладонью к его груди. Не замечая окружающего их шума и балагана, она выражала полную заинтересованность в намерении узнать, что

с её женихом произошло. Аромат её духов ударил. Прикосновение лёгкой ручки нанесли второй удар. Близость чудного личика отправила в нокаут. Юноша ожил, наклонился.

– Что с тобой такое? Мама обидела тебя?

Роман почувствовал мягкое прикосновение ветерка, тёплый воздух коснулся его, будто птичка запела гимн весны. Он отрицательно помотал головой.

– Хорошо, тогда улыбнись, тебе не идёт быть грустным, – сказала она и слегка коснулась губами фарфоровой щеки. Улыбнулась. Юноша улыбнулся в ответ.

«Нет, тебе и весёлым быть не к лицу», – подумала Маша, глядя на этот порез вместо рта, что натягивал тетиву улыбки.

Рома улыбался как умел. Люди приходили. Хозяйка охала, ахала, подставляла щёки для поцелуев. Машу тоже не обошли вниманием. Несколько пар губ оставили свой след на её щеках, один седовласый мужчина даже осмелился ущипнуть её за круглый подбородок. Юноша увидел, как гладкий лоб на секунду нахмурился. Старик хохотал и вспоминал Машеньку ещё в пелёнках. Инесса Валентиновна бранила старого проказника, напоминая, что подобные воспоминания не уместны в присутствии кавалера, да и к тому же Машуля уже взрослая девушка и вообще. Все смеялись, целовались, говорили. Жених стоял в стороне и наблюдал.

Подъехала молодёжь. Это были сыновья тех купцов, что не смогли навестить юбиляра лично. В общей сумме их было четверо. Четверо славных молодых и пылающих жизнью

юношей. Одетые в модные фраки, они по одному приходили на праздник. Среди них был и Никита, сын купца Васильева, что поставлял дрова ко дворам всех зажиточных граждан, в том числе и дома Маши. При виде этих молодцов девушка оживала, Матушка, на правах хозяйки, продолжала принимать гостей, но теперь и Маша присоединилась к охам и ахам. Две сияющие женщины расточали гостеприимство и смех.

За юношами на праздник забежали две подружки Маши в сопровождении мужика. Крупного и бородатого дядьки, что служил приказчиком у их отца. Здесь то Маменька перестала быть в центре внимания. Хихикающий клубок, то и дело косящий в сторону Юноши, покатился издавая звонкие «ха-ха» в коридор к комнате Маши. Девушки лепетали что-то неразборчивое и бурей унесли машу от глаз юноши.

Матушка проводила девушек и дочь взглядом. Посмотрела по сторонам. Гости разбрелись по двум просторным залам, что располагались с обеих сторон прихожей. Матушка хлопнула в ладоши, бросила взгляд на стоящего в том же углу юношу. Собиралась что-то сказать, но вдруг услышала своё имя из левой залы. Сочувственно кивнув парню, убежала к гостям.

***

Собравшиеся гости, шумели и звенели бокалами, вращали головами, искали юбиляра. Инесса Валентиновна парила между людьми и объяснила, что папенька пожелал начинать

празднество без него, что он скоро будет и все смогут его поздравить. Щипавший за щёки Машу старичок, хохоча вспоминал, как он и Папенька, ещё мальчишками, гоняли палкой дворняг и однажды в процессе баловства, папенька поскользнулся на коровьей куче и шлёпнулся прямо задницей в грязь. Матушка охала, смеялась, махала на старичка ручкой, даже пыталась краснеть.

Юноша ходил призраком среди гостей. Учтиво кивал поздравлявшим его старичкам и их жёнам, жал протянутые руки молодых парней. Все, кто собирался завести с ним разговор, быстро отвлекались, позволяя Юноше вести своё наблюдение дальше, не прерываясь на пустые разговоры. Гости ходили из одной залы в другую. Обсуждали события в государстве, шутили, громко требовали вина. Марфа с подносом в руках, вся красная, в чистом и новом сарафане, суетилась и меняла пустую тару на полную. Ефим, так же наряженный в чистую рубаху, стоял в прихожей и помогал особенно неуклюжим старичкам устоять на ногах.

Через некоторое время к главному входу подъехал именник. Он приехал верхом и, спрыгнув лихо с коня, широким шагом вошёл в дом, застучал тяжёлыми ботинками и брякнул непонятной сбруей, что состояла из ремешков и цепочек. Одет он был в зелёный кафтан, в бежевые галифе, на голове, почти падая, сидела обычная мужицкая шапка. Пузатый, усатый и красный, папенька собрал на себе все взгляды.

Хохочущий старичок увидел товарища и остановил рюмку на половине пути, отдал её рядом стоявшему юноше и двинулся, будто лосось на нерест, к другу. Остальные товарищи папеньки, что были на порядок учтивее, почтительно кивнули головой старому другу и подняли в воздух бокалы. Старикашка подполз к юбиляру и, обняв того за широкую талию, произнёс:

– Вот с этим вот балбесом! Мы... палками... собак!!

– Каких таких собак, да какими палками? – загромыхал юбиляр. – Ты что, старый, вина что ли перепил. Матушка, кто этому пройдохе дал вина? Елена Павловна! Ну ты то куда смотришь!?

– Подожди! Мы с тобой! Собак... Говяжий шлепок!..

– Да будет тебе! Угомонись! – к парочке подскочила жена старичка и вытянула его под руку. Юбиляр загрохотал. – Где мой зять?! Где моя дочь?!

Юношу он нашёл практически сразу. Тот был на голову выше остальных. Посмотрев в белое лицо с голубыми глазами-фонарями, мужчина быстро произнёс про себя хвалу Господу, отогнал мрачные мысли и добродушно разведя в стороны руки, кивком позвал Юношу к себе.

– Ну что? Зять! Где твоя невеста?! Машка! Инесса! Где Маша?!

Юноша подошёл и встал рядом. Мужчина обнял тощего парня мощной рукой. Высматривал в толпе жену.

– Она с подружками, Степан Валерьяныч! – сказала неиз-

вестно откуда возникшая Инесса Валентиновна.

Юноша перехватывал направления взглядов гостей. Никто не смотрел ему в лицо, слегка касаясь его, взгляды тут же соскальзывали. Переходили к хозяину и хозяйке.

В дверях показалась Маша в сопровождении подруг. Улыбка удобно располагалась на её лице, пока Маша не увидела отца с Романом рядом. На секунду между её тонкими бровями появилась тонкая полосочка. Губки дрогнули и складочки от улыбки на щёчках пропали. Степан Валерьяныч увидел Машу и громовым раскатом позвал к себе. Дочь, помедлив, подчинилась.

Под каждой рукой у юбиляра стало ровно по одному молодому сердцу. Папенька улыбался, опускал голову на дочь, поднимал на зятя.

– Посмотрите какие у меня хорошие дети... Ладно, мать, не смотри на меня так, пока ещё только один ребёнок, не будем торопить события, хе-хе.

По толпе гостей прошла мягкая волна смеха. Юноша повернул голову в сторону Маши. Дочку отец мог обнять как следует. За могучей и толстой рукой Роман видел только её макушку.

– Но, а ты, молодец, – сказал папенька и шлёпнул юношу по спине. – Резину не тяни. Машка девка видная – уведут!

Дочь и жена воскликнули в один голос:

– Папа! Что ты такое говоришь?!

– Степан!

– Прошу прощения. Стар стал, глуп, как этот! – он указал в сторону противного старикашки. – Каких ты там собак со мной гонял?

– Тех самых собак! А потом ты да в говяжий... .

– Во даёт, старая кляча! Уже совсем умом тронулся, дык это же тебя, давеча, на прошлой недели, из гумна Прохор вытягивал! Заберите у него вино! Елена Павловна... ей бог-гу! – сказал Степан Валерьяныч и расхохотался.

Гости дружно засмеялись, а Елена Павловна потянула старичка подальше от юбиляра. Она дёрнула его так резко, что поднятая с бокалом рука задрожала, окропила двух рядом стоявших гостей игристым, а собиравшееся вылететь из рта реплика захлебнулась и оборвалась.

– Ладно, ребятки, бегите. – Он подтолкнул дочку и зятя. – В этом доме мне кто-нибудь нальёт вина или нет?!

Гости оживились. Юбиляру подали вина, Инесса Валентиновна засуетилась рядом. Обняв жену за талию, он вместе с гостями прошёл в левую гостиную.

***

Веселье продолжилось. После сцены в прихожей Маша, не глядя на Романа, поспешила в гостиную ко всем остальным. Девушка проскользнула к круглому столику у окна и только тогда обернулась, посмотрела на него. Роман остался в прихожей, смотрел на хорошенькую головку, которая повернулась к нему только на секунду, бросила взгляд, несущий

что-то неопределённое, то ли гнев, то ли вопрос. Лицо парня начало работу по возведению моста грусти. Юноша стоял словно стул в углу, такой же ненужный и брошенный. Из коридора вышли Ефим и Марфа, в руках они держали блюдо с большим пирогом. Глаза Марфы и Романа встретились. Девушка остановилась и качнулась так сильно, что чуть не выронила пирог.

– Марфа! Осторожнее! – сказала Инесса Валентиновна, которая появилась опять из ниоткуда. – Роман Александрович! Милый мой, что же вы здесь стоите один?! Пойдёмте ко всем! Сейчас будем разрезать праздничный пирог!

Она подошла к истукану и взяла под руку, потянула за собой. Роман ожил и потопал ведомый за матушкой, вслед Марфе и Ефиму с пирогом.

***

Праздник жил своей жизнью. По всему дому небольшие кучки гостей хохотали, звенели бокалами, поздравляли юбиляра, восхищались красотой Маши, Инессы Валентиновны и говорили самые лестные слова про союз, который образовали два молодых сердца. Роман старался держаться в двух кучках от Маши. Молчал, улыбался. Девушка периодически высматривала его, переходя от одной кучки к другой. Посылала воздушные поцелуи, шевелила пальчиками, а иногда, проходя мимо, слегка дотрагивалась да бледной и холодной руки. Юноша вздрагивал. Натягивал улыбку ещё сильнее. Вид прелестной Маши заставлял его сини глаза блестеть

сильнее.

Глава дома пил вино. Рассказывал байки. Отбивался от несносного старичка, обнимал жену, целовал мокрыми усами дочь. Маша морщилась, хохотала и тёрла щёку. После каждого такого нападения отца, она вырывалась из его объятий румяной и особенно прелестной. Если бы в эти моменты, кто-либо из гостей посмотрел в лицо Юноши, он сразу бы заметил значительную перемену и даже неестественную для его лица, живость. Марфа, что как истинно набожная девушка, чёрта хоть и боялась, но из-за девичьего любопытства через страх бросала самой себе вызов и поглядывала в лицо этого странного человека. И один раз ей даже показалось, что видела она у него на щеках слёзы.

Роман ходил как призрак среди людей, что старались его не замечать. Его фигура и осанка смущали людей. Он и в правду походил на огромную фарфоровую куклу. Строились многие предположения об особенностях его внешности, но самой распространённой была версия о том, что, являясь сыном учёного, Рома, как и его отец, проводит очень много времени в библиотеке и редко бывает на солнце. Бледный, высокий, с яркими синими глазами, чёткие черты его лица вызывали в людях не самые приятные чувства. Резкий угол скул, впалые щёки, прямоугольные брови.

Несколько гостей, изрядно накушавшись, пытались завести с ним разговор. Весёлые и пьяные, они спрашивали о здоровье отца, об успехах в учёбе, о новых открытиях. Юно-

ша улыбался и молчал. Говорить не было нужды, закончив свой вопрос собеседник отвлекался и уходил, подобные обращения повторялись одно за одним и не мешали Роману наблюдать за Машей. Девушка, словно кувшинка в озере, качалась на волнах смеха и звона бокалов, хохотала, сияла нежной улыбкой. Уже длительное время она находилась в обществе молодых парней, они, смеясь вместе с ней, иногда позволяли себе касаться её предплечья или талии. Маша, кажется, не замечала этих лёгких прикосновений, но лицо жениха, от каждого касания, надевало маску скорби. Один из юношей, Никита, с тонкими усиками, был к Маше ближе всех и с каждой минутой позволял себе всё больше.

Мучительных пол часа она не смотрела в сторону Романа, не улыбалась ему и не махала тонкой рукой. Она больше не подходила, не касалась губами прохладной и гладкой щеки, не прикладывала ладонь к груди. Каждый раз спрашивая его, она, как и все другие, не дождавшись ответа убегала, отдавала внимание матери, отцу, пожилым гостям и вот теперь ею завладели юноши.

Звонкие голоса их доносились до ушей Романа. Здоровые и крепкие, они били по его перепонкам. Маша позволила себе несколько бокалов вина. Щеки её покраснелись. Никита позволял себе всё больше. Его рука опускалась всё ниже, девушка совсем этого не замечала, она хохотала, отвечала каждой шутке, всплёскивала руками. Наглец посмотрел в его сторону, почти коснулся губами нежного ушка. Рот его

ожил. Он прошептал её несколько слов, а она совсем не смутилась...

Рома не выдержал.

Уверенным шагом, расталкивая гостей, он направился к кучке молодых людей и Маше. По дороге задел несносного старикашку. Тот крикнул:

– Откуда в гостиной столб...

Роман не обратил внимания. Шёл пробиваясь дальше. Растолкал нескольких гостей, заставил тех рассыпать недовольные возгласы, обратил на себя внимание хозяйки и хозяина. Инесса Валентиновна увидела, Степан Валерьяныч понял. Никита ничего не подозревал, и почти касался тонкими пальцами бёдер Маши. Очень удивился, когда широкая пятерня Романа схватила его за плечо и направила в противоположную от Маши сторону. Парень повалился в толпу, хватал ртом воздух и смотрел широко раскрытыми глазами. Сила толчка была приличной, за хмырём повалился ряд гостей, принявших его падение. Маша тихонечко взвизгнула.

Тишина разлилась по гостиной. Захмелевшая Маша смотрела на Романа, сверкая стеклянными глазами. Появилась грозная морщинка на лбу. Остальные парни остолбенели.

Юноша смотрел сверху вниз, молодые щёчки покраснелись, морщинка между бровями становилась всё заметнее. Все ожидали, что сейчас столб заговорит, отвратительным и скрипучим голосом, приступ ревности будет объяснён и все продолжал веселиться как ни в чём не бывало, а после, до-

ма, в кругу семьи, обсудят случившееся. Юноша ничего не сказал. Лицо его задрожало. Послышался лёгкий хрип. Но он ничего не сказал. Прошёл между расступившимися перед ним гостями. Оставил за спиной дом, Машу, и всю эту отвратительную сцену.

Ушёл домой.

***

Внутри поместья, в той части где находилась его комната и лаборатория отца, Роман поднимался к себе на верх, топот ног сотрясал дерево лестницы. Сжав кулаки, он остановился на половине пути, на площадке. Услышал, как из дебрей проводов и приборов, на единственный чистый и не заставленный пяточок, выезжает отец.

Роман наблюдал. С потолка, из темноты переплетений проводов, вниз спускалась, похожая на огромную руку, громоздкая труба с тремя шарнирными соединениями. Рука соединялась со спинкой кресла, служила для перемещения отца по лаборатории. С потолка, к каждой сфере шарнира, тянулись чёрные жгуты проводов. Высокие, в два этажа, стены, были увешаны различными приборами, экранами, проводами. Повсюду торчали вентили, трубы с заклёпками, блестели колбы с зелёной жидкостью. Юноша не хотел видеть отца, но он, видимо, разбудил его, когда в гневе топал ногами, и старик захотел повидаться.

В кресле сидел голый по пояс и тощий, старик. Из рук его и торса шли провода, уходившие за спинку кресла вдоль ру-

ки в потолок. Чёрные пиявки вцепились в обтянутый кожей скелет, оставляя на месте укуса розоватый ореол из рубцов. На каждую руку приходилось по три пиявки, к торсу присосалось четыре. Нос и рот отца были закрыты чёрной маской, словно самая жирная и самая сильная пиявка присосалась к лицу. Бледное физиономия с дикими голубыми глазами, гладкая кожа, обтягивающая череп. Тонкие пальцы дёргали рычаги, и отец двигался. Половина тела его была спрятана под коричневым, в серую полосу, пледом из-под которого тоже выглядывали чёрные и гладкие тела пиявок. Отец выехал в зелёный свет громадного выпуклого экрана, который висел на стене с лестницей, по которой Роман хотел добраться в комнату. Свет падал на отца и слегка касался квадрата грязного ковра, расставленных тут и там приборов, колб, деталей разных приспособлений. Некоторые походили на конечности гигантских пауков. Всюду валялись шестерни, в кучу навалены трубы и провода, последних повсюду было в достатке. Будто змеи всех размеров устроили в лаборатории брачный сезон.

Старик посмотрел на сына, лицо Романа дрожало.

Он слушал, как громадная рука жужжит, передвигает отца. Пара маленьких тусклых голубых глаз смотрела вверх. Участие и тоска отражались в этом взгляде. Отец поднялся в воздух и поравнялся с сыном, Роман не выдержал, открыл рот и заговорил.

Из чёрного отверстия вылетели слова словно кто-то тря-

нул ведром с монетами. Металлический и режущий слух голос, мощно, с нажимом, направился в сторону висящего в двух метрах отц:

– Зачем ты произвёл меня на свет?! Зачем?!

Роману ответил лишь тусклый блеск в глазах отца.

– Я не просил тебя! Я не просил тебя создавать меня! Это ты взял ответственность! Ты сделал меня таким и выбросил в их мир! Зачем? Для чего?! Чтобы я страдал?! – Роман выждал паузу ожидая ответа, но отец молчал. – Ты слышишь мой голос?! Он режет им слух, им не выносимо слушать меня! Ей!.. Она... Она терпит меня! Только твои деньги сдерживают её, связывают её со мной! Ты! Ты дал мне всё! Жизнь, статус! Я такой, каким ты меня хотел видеть! Ты! Жестокий и эгоистичный! Создал меня таким! Лучше бы я никогда не появлялся на свет! Лучше бы я молчал! Лучше бы ни одна живая душа не слышала этот хрип! Слышишь меня?! Наслаждаешься?! Ты счастлив?! Творец! Объясни мне! Ну? Скажи хоть что-нибудь!

Старик висел в воздухе, чтобы говорить ему нужно было снять маску. Левая рука его дрожала, правая держала рычаги пульта. Глаза заслезились, пара капель выкатились и упали по щекам вниз. Роман выждал ещё немного, понял, что отец не ответит.

– Нечего сказать? Да? Ты думал деньги и твоё положение компенсируют мои изъязны? Знаешь что? Ничего подобного! Никакие деньги мира не сделают меня человеком. Все они

будут шарохаться меня и только твои деньги заставят их терпеть! Ты выпустил меня в мир, ты знал какие они и сделал это! Теперь живи с этим! С осознанием того, что твой сын несчастен!

Роман отвернулся от отца и пошёл к себе. Через несколько секунд стук двери раздался сверху. Гул оборудования обнял старика, он остался один.

Механическая рука зажужжала, коснулась вибрацией старика. Толстые пальцы мягко толкали рычажки на ручке кресла. Исполин медленно опускал хозяина вниз к широкому и выпуклому экрану.

Бледное тело старика, в свете зелёного мерцания экрана, казалось похоже больше на тело высушенной мумии, нежели хоть и старого, но человека. Он медленно подплыл к столу. Склянки, обломки механизмов, шестерёнки, валялись по всей поверхности стола. Тонкая прядь проводов свисала с потолка и закрывала угол экрана. Старик протянул дрожащую руку и вытянул из-под разбросанного мусора блестящий золотом прямоугольник. Пластина с выпуклыми квадратиками оказалась на коленях. С виду хрупкие и почти безжизненные пальцы ожили, застучали выбивая бессвязный ритм.

На зелёном экране появились белые символы. Строчка за строчкой возникали слова смысл которых мог понять только старик. Белые закорючки ровными рядами ложились в штабели, пропадали, появлялись снова вместе с множеством

других столбиков, непрерывная пляска полосок и символов. Вскоре на экране появилась фигура мужчины и две геометрические фигуры, окружность и квадрат. Мужчина с двумя парами рук и ног был вписан в фигуры. Одна пара ног была разведена, другая сведена вместе. Пара рук касалась квадрата и была разведена в стороны, другая касалась окружности и была чуть приподнята над первой. Старик не открывался от экрана. Человек замер на несколько секунд, но и он быстро исчез, как только пальцы старика заработали снова. Картинка сменялась одна за одной. Конусообразная машина шла за человеком, за ней шли изображения людей, женщин, детали архитектуры. Они менялись так быстро, что не успевали покинуть зелёный холст и накладывались одно на одно, сваливались в кучу, превращались в неразборчивую кашу.

Через несколько минут старик нашёл то что искал. Он вернулся к человеку с множеством рук и ног, только теперь геометрических фигур было больше, как и конечностей, и добавилась одна особенность. Теперь человек не был анатомически похож на взрослого мужчину. Изображение показывало, что у него внутри, словно его разрезали поперёк. Внутренние органы отсутствовали, вместо них шестерни и разного рода многогранники. Стукнув пальцами по квадратикам несколько раз, старик заставил изображение увеличиться. Фигура мужчины-механизма стала усиливаться, вырастая в области шеи. Лицо не в разрезе. Крупные глаза, чёткие и острые черты лица. Тонкая полоска вместо рта. Раз-

резанный поперёк ниже адамово яблока, на старика смотрел Роман. Учёный задержал взгляд на лице сына и стукнул несколько раз. Шея увеличилась, на экране появилась каша из различных деталей.

***

Дверь в спальню Романа открылась. Осторожная и лёгкая поступить мерно отзывалась эхом по просторной лаборатории. Он не мог уснуть. Отключать сознание совершенно не хотелось. Всю ночь он думал, слушал, как внизу его отец стучит костлявыми пальцами по своей странной пластине.

Роман старался не шуметь, спускался осторожно. Он слышал, как в низу тяжело дышит спящий отец. Дыхание через маску звучит так грязно, так по больному, будто мешок с песком тянут по усыпанной битым стеклом земле.

В своём кресле-руке у зелёного экрана, склонив голову на грудь, спал его отец. Руки расползлись по обе стороны, чёрные пиявки безжизненно свисали с дряблых рук.

Лёгкие шаги приблизились к старику. Роман смотрел в экран, любясь рисунками на нём. Его собственное тело с разобранный шейей заняло половину экрана. На второй половине были увеличены механизмы и внутренности выводящего звук устройства, которое он хорошо знал и изучил, это вечно дребезжащее и хрипящее горло. Единственное устройство, что не мог наладить его отец. Рядом увеличенное изображение ещё одного горла. Вместо уродливых шестерёнок, трубок и механизмов, на месте выводящего звук

устройство была гортань, человеческая гортань со связками, тканями, мышцами.

Он взял пластину старика, нажал несколько клавиш, отдал изображение человеческой гортани. Ему открылось полное изображение человека. Его отца.

Глаза Юноши заблестели.

«Ты всю ночь работал над...» – он не успел закончить мысль. Красная лампа загорелась над выходом из лаборатории. У поместья кто-то стоял и раз горела красная лампа, этот кто-то был очень важен. Роман погладил лысый череп отца, улыбнулся своей натянутой улыбкой, нажал средний, из пяти, рычагов и пошёл к выходу. Рука за его спиной медленно возвращала отца в его каморку, где он сможет продолжить мирно спать.

Роман шёл к глухим воротам поместья. Утренний прохладный ветерок тербил несколько беспокойных локонов на его голове. Мысль о том, кто бы это мог быть так рано легко шевелила шестерни внутри. Он нажал рычаг, запустил механизм открытия двери. Ворота зажужжали и зашевелились механизмы. Он подождал. Толкнул, меньшую, в рост юноши, дверь. Та распахнулась. На другой стороне стояла Маша.

В походном тёмно-зелёном плаще, голову покрывает шерстяной платок. Её глаза блестели и, кажется, смотрели куда-то за него. Миниатюрная, Маша слегка дрожала. Маленький и красивый ротик нарисовал крохотное подобие улыбки.

Она сказала:

– Рома... я... я...

Роман не ответил.

– Я сама... пришла, видишь... Ночь не спала... Вчера... ты повздорил с Никитой... Это всё так глупо... тебе могло показаться...

Роман открыл рот. Маша замолчала. Приготовилась. Раздалось шипение, словно глубоко в глотке у парня зашевелились ржавые шестерни, стали перемалывать стекло. Раздался голос, не Романа. Её собственный:

– Невыносимо! У него отвратительный голос! Просто невозможно отвратительный и сам он... Кукла!

Маша охнула. Бледное лицо стало ещё блее. Он пролепетала...

– Как? Что же это...

Шуршание усилилось. Роман заговорил другим голосом. Никиты:

– Как же я хочу ещё раз прикоснуться губами к твоей нежной шейке...

Маша остолбенела. Лицо её задрожало. Она вскрикнула.

Что-то в глотке Романа задрожало. Голос Никиты исчез. Маша услышала Ефима:

– Что там? Видно их? Пустил он её?

Голос Марфы:

– Не видать... барыня, вроде, стоит ещё...

Роман закрыл рот и всё прекратилось.

Маша отшатнулась от него. Бледная ручка потянулась к груди. Её голос дрожал:

– С-с-сатана... Лукавый... ты... ты...

Она, как рыбка, открывала рот, бледнела с каждым шагом.

Твердила одно лишь слово:

– Лукавый... лукавый... лукавый...

Маша дрожала и отступала.

Роман закрыл перед ней дверь, развернулся и пошёл обратно в дом.